

ГЕННАДИЙ ГОР

ХУДОЖНИК ВАЙС

Фантастический рассказ

1

На семнадцатом этаже в доме по Гаррисон-авеню, где раньше была его лаборатория, теперь зубоврачебный кабинет. Теперь здесь удаляют зубы с такой же ловкостью и быстротой, с какой он вырвал меня из насиженного гнезда и подчинил странной логике обратимого хода времени.

Зуб, этот кусочек кости, покрытой эмалью, срастается со своей средой, и она отвечает болью, ужасом, криком, когда

его вырывают. Но среда, из которой удалили меня, не заметила рывка. Правда, жена Клара, удивленная моим долгим отсутствием, звонила к знакомым и справлялась обо мне. Потом она решила, что я уехал в Чикаго (термин, которым обозначали в моей семье долгий запой), и успокоилась.

Забегая вперед, я должен сказать, что она знала, где я, войдя в сговор с тем, кого она называла Мефистофелем, но кто на самом деле был только мистером Мефисто.

Тот, кто распоряжался временем, подобно господу богу, вовсе не был похож на божество. Лысый, щедущий старичок, он, казалось, был сыном самой обыденности, человеком, каких много. Отчасти он и был обычным человеком, а не Мефистофелем, как называла его Клара. Но ведь я тоже не был Фаустом.

— Вайс, — говорил он мне, — вы не имели права выбрать себе эту профессию.

— Почему?

— Потому что вы посредственность. Ну, ничего. Не унывайте. Я сделаю из вас гения.

И он сдержал свое слово. Почти сдержал. Для этого ему пришлось открыть невидимую дверь в прошлое, в верхний палеолит, сыграв жестокую шутку не только со мной, но и заодно с тем, с чем нельзя играть в непозволительную игру, с самим временем, всегда бегущим в одном направлении: из прошлого через настоящее в будущее.

Я чуть не заплатил жизнью за умение с помощью гибкой непогрешимой линии передавать живое движение бегущего оленя, трепет мгновения, жаркое дыхание самой жизни. Но я, однако, побывал там, где не бывал никто, и благополучно вернулся, оказавшись возле входа в свою квартиру.

Жена, не узнав моего голоса, раздраженно переспросила, прежде чем открыть дверь:

— Кто там?

— Гений, — ответил я. — Человек, которого завтра будет знать весь мир.

Она открыла дверь и отпрянула. Перед ней стоял борогатый дикарь, едва прикрытый оленьей шкурой. В руках у дикаря было копьё.

Моя Клара умела распоряжаться выражением своего лица. Она была настоящая артистка.

— Нашел-таки работу, — сказала она, — нанялся статистом в съемочную группу? Все же лучше, чем писать картины, которые никто не хочет покупать.

Я ухватился за ее догадку, как за соломинку. Я ведь тогда не знал, что она была в заговоре с мистером Мефисто.

Ее предположение меня вполне устраивало. Не только ей, но и самому себе я не сумел бы объяснить, как оказался на площадке этой лестницы, за один миг преодолев тридцать тысячелетий.

— Борода настоящая, — спросила жена, — или накладная?

— Настоящая.

— Когда же ты успел ее отрастить, уж не за эти четыре дня пребывания в Чикаго?

Она не стала больше докучать вопросами, а повела в ванную

комнату. Через пять минут я уже лежал, прислушиваясь к мелодичному бормотанию воды, льющейся из крана, и размышлял о том, как своим бранным телом соединил две эпохи, осуществив самый загадочный парадокс за все существование планеты.

2

Загрунтовав холст, я стал писать лес.

Мольберт не походил на скалу, и моя мастерская с окном на улицу Стивенсона не имела ничего общего со страстным буйным миром, краски которого хранила моя память.

Очертание первобытной местности, ритм, связывающий деревья, реку, берег, горы в одну сказочную дикую мелодию,— все это явилось вдруг на пустом месте, возникнув как бы из ничего. Я снова чувствовал жаркое звериное дыхание, словно лежал затаившись возле реки, куда мохнатые мамонты приходили пить воду.

Бытие, преодолев тридцать тысячелетий, спешило слиться с грунтом картины, своим бешенством чуть не разрывая кусок холста.

Я дрожал от нетерпения, от духовной ненасытности, я спешил поспеть за этим странным процессом, происходившим внутри меня и на холсте, весь покрываясь потом. Я бросал на холст мазок за мазком, и, наконец, лес охватил меня со всех сторон, словно природа, сойдя с холста, заполнила мастерскую, стерев пыль обыденности, как стирают с доски мел мокрой тряпкой.

Тревога охватила меня. Холст трещал, не способный вместить буйство, ярость, трепет первобытной жизни.

Кто-то постучал в дверь.

— Вайс, открой, черт подери!

Это был Герберт Харди, тоже художник, тоже пьяница и мой друг.

Минута замешательства, а потом возглас, смесь недоверчивого изумления, зависти и восторга.

— И ты будешь уверять, что ты это написал?

— А кто же?

— Не верю! Это писал сам бог или дикарь. В изобразительном искусстве это одно и то же. Кто-то был тут до меня и ушел, еще не просохли краски.

Кто-то? Действительно, это так. Тот, кто только что писал, не имел ничего общего с Вайсом, холодные картины которого не вызывали ни удивления, ни восторга, ничего, кроме скуки.

— Какая мощь! — повторял Харди. — Какая нечеловеческая сила!

И действительно, природа рвалась с холста, ей там было тесно.

В мастерскую вошла Клара, как всегда, громко хлопнув дверями. Она кивнула моему приятелю Герберту Харди и бросила небрежный взгляд на холст, продолжая игру со мной и с самой действительностью, игру, сущность которой я разгадал гораздо позже.

— Что это, Дик?

За меня ответил Герберт:

— Чудо! Поняли? Тут только что побывал гений. Это его работа. Но объясните, госпожа Вайс, где вашему мужу удалось найти его, как заманить сюда и заставить писать за себя?

Моя жена смотрела на картину с таким видом, словно это была стена, обычная убогая стена, заклеенная серыми обоями. Затем она зевнула.

Тогда я еще не догадался, что ее зевок, как и все ее поведение, был попыткой скрыть тайну, сделать обыденной загадку, прямое отношение к которой имел не только мистер Мефисто, но и она сама.

— Не вижу ничего замечательного, — сказала она. — Опять нелепые пятна и сумасшедшие линии.

Клара зевнула еще раз. И красивое лицо ее, живое и подвижное, стало усталым и скучным, как после долгой бессонницы.

— Если вы слепая, — вдруг закричал Харди, — так займите у кого-нибудь глаза! Ведь такой первобытной стихийной силы вы не увидите даже в Альтамирской пещере. Это дикий лес, госпожа Вайс, где деревья растут, не спрашивая разрешения у садовника, ни даже у господ бога. Вглядитесь, какая мощь!

Жена, казалось, неохотно уступила.

— Да, кажется, есть что-то. Но, Герберт, вы же сами сдержанно относились к работам моего мужа. Вы и все, кто его знал. Уж не хотите ли вы меня убедить, что у него вдруг появился талант?

— Вас убедят коллекционеры и скупщики картин!

Клара рассмеялась.

— Вы, Герберт, такой же фантазер, как мой муж. За последние пять лет Дик не продал ни одной картины.

— Возьмите свои глаза в руки, — перебил ее Харди, — и поднесите к полотну. Только незрячий и невежда не заметит этой красоты. А уж купят ее или не купят — не мое дело! Кругом обыватели и слепцы!

— Надоели мне алкоголики, неврастеники и математики, — сказала жена и ушла, хлопнув дверями.

Мы недоуменно взглянули друг на друга, я на Герберта Харди, Герберт Харди на меня.

3

Мистер Мефисто, хотя и обладал властью над временем, не был ни астрономом, ни богом, ни даже часовщиком. На афише, где крупными буквами была напечатана его фамилия, скромно значилось: биолог.

Да, биолог. Ни астробиолог, ни субмолекулярный биолог, ни биофизик, а просто биолог, без всякой приставки, как в начале века. Собственно, это и заставило меня поверить в подлинность его знаний и купить билет на его публичную лекцию в антропологическом музее.

Название его лекции привлекло меня и насторожило. Афиша обращалась с витрины к каждому прохожему со странным вопросом: «В одну ли сторону течет время?»

По-видимому, немногих прохожих заинтересовал этот вопрос,

меня да еще чистильщика сапог, мальчишку-негра. Мы оба стояли возле витрины молча, потом мальчишка спросил:

— Объясните, пожалуйста, господин. Разве у времени несколько сторон?

— Несколько? Нет! До сих пор мне было известно, что время течет в одну сторону, настоящее может стать прошлым, но прошлое не может стать настоящим и будущим. Этого не случится.

— А вы уверены в этом, господин? — спросил чистильщик сапог. — Вы уверены?

— Уверен, — ответил я.

Мальчишка своим черным пальцем показал на афишу.

— А зачем тогда лектор спрашивает об этом у вас и у меня?

— Не знаю. Думаю, что он спрашивает не у нас, а у себя и заодно хочет, чтобы мы тоже задали себе этот вопрос.

Через полчаса я уже сидел в зале среди случайной публики и, ожидая лектора, рассматривал лицо толстой усатой старухи, которая лет тридцать или сорок тому назад, вероятно, была красавицей. Кто украл у нее красоту, здоровье, радость жизни? Время. Его однонаправленность. Может быть, она пришла сюда в тайной надежде на чудо, что лектор вернет ей утраченное или по крайней мере даст рецепт от старческих невзгод.

Но тот, выхода которого мы все так долго ждали, тоже оказался изрядно потрепанным старостью и невзгодами. Он говорил о законах природы, ничего не обещая. То, что утрачено, в силу односторонности времени, увы, вернуть нельзя.

Я не был внимателен. Мне скоро наскучили формулы, которые он писал на доске, желая облечь свои нейрофизиологические мысли в математическую форму и придать своим словам научную достоверность и вес. Я уже жалел, что пришел сюда, не предполагая и не думая о том, какое значение для меня приобретет эта встреча.

Сразу после лекции он подошел ко мне — загадочный, нелепый, улыбающийся странной улыбкой. Он подошел ко мне с таким видом, словно знал меня когда-то, очень давно — возможно, еще до моего рождения.

— Вайс, — сказал он. — Привет, Вайс. Как я рад, что, наконец, встретился с вами.

— Откуда вам известно мое имя?

— Я знаю о вас, Вайс, больше, чем вы сами знаете о себе.

— Вы телепат?

— Не только.

— А кто?

— Я почти бог. Естественный бог, причинный, материальный, враждебный всякому шарлатанству и мистике. Я бог физики, математики и нейрофизиологии. Ну, не бог, не сердитесь на маленькую неточность, но все же кое-кто. Я хочу вам помочь.

— Понимаю. Вы хотите поставить меня на ноги, излечить от запоя? Вам обо мне сообщили родственники жены и, вероятно, предварительно даже показали фотографический снимок?

Он посмотрел на меня одновременно и насмешливо и настоятельно.

— Вам нужны реалистические мотивировки? А без них вы не

можете разговаривать со мной? Нет, от запоя я не лечу. Это слишком мелко. Я лечу...

— От чего?

— Это слишком сложно. Боюсь, что не поймете.

— А все-таки?

— Небольшой нейросеанс вам не повредит.

— Сеанс? — переспросил я.

— Да, сеанс. Сеансик, — повторил он, играя этим легким, почти воздушным словечком.

Он дал мне адрес своей лаборатории на Гаррисон-авеню. Затем жестом, резким жестом фокусника показал на то кресло, где только что сидела усатая старуха, жертва необратимого хода времени.

Я увидел красавицу. Пушок на верхней губе только подчеркивал очарование ее молодости.

— Мадам, — обратился к ней лектор, — как вы себя чувствуете?

— Как после крепкого освежающего сна утром.

— Я вернул вам утро, мадам. Молодейте. Но будьте осторожнее, не испугайте мужа, когда вернетесь домой. Неожиданность опасна, особенно в таком возрасте. Я говорю не о вашем возрасте, а о возрасте вашего мужа. За ваш возраст я теперь спокоен.

4

О сеансе, о сеансике и о способах поворачивать вспять время я расскажу позже, а сейчас поведаю о том, что произошло сразу после сеансика.

Каким образом я оказался в диком лесу недалеко от скалы?

Мне не у кого было об этом спросить. Лес выглядел так, что у меня сразу возникло сомнение, существовало ли цивилизованное человечество. Ни одной банки из-под консервов, ни обрывка газеты, ни целлофанового стаканчика. Огромные толстые деревья стояли с таким видом, словно ожидали съемочную группу, ставившую картину из межледникового периода.

У меня не возникло да и не могло возникнуть никакого контакта с этими огромными деревьями, державшимися слишком независимо и, я бы сказал, чуточку высокомерно. Так могла держать себя природа, еще не знавшая цивилизованного человека, не ведавшая ни автомобильных колес, ни химических фабрик, ни электрических пил, ни туристских групп, ни влюбленных парочек, ищущих общения без свидетелей.

Меня окружал мир, несомненно не имеющий ничего общего с семидесятью годами XX века. Я чувствовал свежее дыхание другого тысячелетия, вернувшегося на землю вопреки всякой логике, всяким доводам рассудка.

Природа и я, больше никого, возможно, за исключением диких зверей, приютившихся в чаще. Воздух был густ и сладок, напоен запахами трав и ветвей. Этот воздух меня хмелил, пока тревога не напомнила мне об удивительном и непонятном обстоятельстве. Где я?

Я стал вспоминать все, что было до того. Но было ли оно? Дикий лес, казалось, опровергал своим реальным могучим суще-

ствованием все мое, в сущности, эфемерное прошлое. Что-то случилось с планетой, все повернулось вспять. Но мой рассудок, моя логика человека семидесятых годов XX столетия искала доводы мысленной защиты против этой не укладывающейся в норму действительности.

«Очень возможно, — думал я, — надо мной подшутили. Меня усыпили и загорки на самолете в дикую местность Канады, где уцелели уголки первобытной природы».

Эта догадка вселила в меня некоторую надежду. Я пытался вспомнить все, что предшествовало этому странному происшествию. Нейросеанс, сеансик. Несомненно, во время этого сеансика Мефисто меня усыпил. А потом посадил в машину и увез в аэропорт. Зачем? С какой целью? Об этом я узнаю, когда за мной прилетят. Страх сменился досадой и возмущением. Меня сделали объектом какой-то недостойной нелепой игры или шутки.

Может, это новый способ лечения от алкоголизма? Но вряд ли мои родственники способны раскошелиться, чтобы осуществить столь дорогостоящий эксперимент — высадку в дикой местности Северной Канады.

Я решил ждать. Что же мне еще оставалось? Ждать! Современная цивилизация была не в ладу с этим устаревшим понятием. Она давно уже освободила человека от ожидания. Сервис, немислимые скорости передвижения, почти отрицающие время. Но, может быть, меня решили лечить ожиданием, погружив в непривычное состояние?

Все эти невеселые мысли мелькали в моей голове, пока я сидел возле огромных деревьев, вершины которых уходили к облакам. Потом я встал. Оттого что я встал, ничего не изменилось. Лес не раздвинулся, чтобы пропустить меня на где-то скрывающуюся шоссеюную дорогу или хотя бы на охотничью тропу, соединяющую мир с человеком, с человеческим жильем, с привычками, которые мы ценим выше всего и называем жизнью. Меня выхватили из общества, вырвали из моих привычек и перенесли сюда. С непризнанным художником и пьяницей не стали считаться. Ждать, нужно ждать, больше ничего не остается. Ждать, как ждали наши предки, когда не было воздушных лайнеров и мотелей, когда люди знали, что такое расстояние.

Я ждал. Мои ручные часыки отмеривали время. Они шли, стрелки двигались, напоминая мне о том, о чем, пожалуй, не следовало мне напоминать.

Начало темнеть. Над моей головой было огромное звездное небо. Я смотрел на него с надеждой. Это были знакомые звезды. Я их видел еще из окна моего детства.

Затем я уснул, уснул со смутной надеждой, что проснусь в своем мире, в кругу привычных вещей и лиц, которыми вчера я еще не умел дорожить, не подозревая о том, что все повернется вспять.

Сон, который мне затем приснился, был уютен, домашне ясен, он окружил меня привычной атмосферой моей квартиры. Руки жены и ее улыбка были рядом, так же как и стол с чашкой горячего кофе. Я поднес чашку ко рту, чтобы глотнуть чуточку тепла и уюта, как вдруг проснулся. Дул холодный, пронизывающий ветер. Где-то далеко кричала птица. Ее крик был похож на стон, на плач. Она явно кого-то оплакивала.

Деревья стояли рядом. Ничего не изменилось. Реальность напоминала о себе, не заботясь о том, найду или не найду я объяснение, чтобы согласовать все случившееся со мной с законами логики и здравого смысла.

Я встал и пошел к скале. Она была дальше, чем мне это казалось, и то приближалась ко мне, то отодвигалась, словно играя. Я шел не спеша, как идет человек, у которого пока нет никакой цели.

Скала стояла на берегу горной реки. Ее шум, звон и грохот я услышал позже. Когда я подошел к скале, солнце вышло из-за туч. Стало совсем светло, и, взглянув, я увидел на скале незаконченный рисунок, силуэт бегущего оленя. Была изображена его передняя часть, задняя же только обозначена едва заметной линией. Передо мной было изображение необычайной живости и силы, словно кто-то недавно побывавший здесь остановил мгновение, заставив его ждать себя. Еще местами не обсохла краска — смесь охры с жиром. Нагнувшись, я увидел выдолбленную из камня чашку с остатками незасохшей охры, а также тонкую длинную кисть — пучок кабаньей щетины, привязанной к палочке.

Дикое и нелепое желание возникло во мне, дерзкое и жалкое, как мысль вора, возомнившего себя способным украсть Джюконду из Лувра. Мне страстно захотелось закончить незаконченное, завершить незавершенное и к созданию неведомого гения прибавить частицу своей посредственности, дописав не дописанную на скале фреску.

Лихорадочным движением я схватил кисть, обмакнул ее в охру и прикоснулся своей немощной мыслью к идее гения, сумевшего запечатлеть страсть, бег, радость и испуг самой жизни.

Неосознанное чувство заставило меня оглянуться. В двух шагах от меня, всего в двух шагах стоял дикарь, одетый в оленью шкуру, может сам художник, и смотрел на то, что я творил.

Всего два шага отделяло меня от небытия, от пропасти без дна, в которую толкал я сам себя. Даже человечнейший из людей великий Рембрандт, увидя, как посредственность портит создание его сверхмощной силы, охваченный неистовым гневом, способен был бы, вероятно, убить навязавшего ему себя в соавторы. Но в двух шагах от меня стоял не мудрый Рембрандт и не кроткий Боттичелли, а первобытный человек с копьём в руке. Я весь сжался, уже обреченный, и мысленно считал мгновения, отделявшие меня от конца. Но первобытный художник не торопился. Я видел его лицо, изумленное и ужасное, прекрасное лицо юноши, представителя не только своей личной молодости и свежести, но и в сто крат более мощной юности, юности самого бытия, еще недавно взглянувшего на мир и только начавшего понимать его.

Охотник сделал широкий шаг и положил ладонь на мое плечо. Улыбка преобразила его строгое мужественное лицо, детская милая улыбка. Затем он показал на фреску. Взглянув, я не поверил себе. Завершенное изображение вдруг ожило, олень рванулся — весь испуг и трепет... Мое прикосновение к чужой мысли, полной красоты и силы, не испортило ее. Отнюдь.

Рисунки В. КОВЕНАЦКОГО

И сам первобытный художник признал это своей детской улыбкой, своей ладонью, лежавшей на моем плече.

Мы стояли рядом и смотрели на изображение бегущего оленя. Мое плечо чувствовало тепло и приятную тяжесть ладони охотника.

Мы стояли рядом, как братья. Нас соединяло вместе нечто более близкое, чем кровное родство, единство мысли, воплотившейся теперь уже в общем рисунке.

5

Я уже упоминал о том, что на семнадцатом этаже прозрачного дома по Гаррисон-авеню, где раньше была нейрофизиологическая лаборатория, теперь зубоучебный кабинет. Там священнодействовали зубные врачи и, тихо и монотонно бормоча, вгрызались в живую кость бормашины. А где же пребывал он, мистер Мефисто, лысый и жеманный бог, враждебный всякому шарлатанству?

Никто ничего о нем не знал, даже лифтер, бойкий, знающий все на свете мальчишка-негр.

— Он творил чудеса, господин? — переспросил меня лифтер. — Самые настоящие чудеса, господин? Нет, такого на свете не бывает. Чудес нет, я за это ручаюсь. Я тут работаю три года.

— А до зубоучебного кабинета тут что было? — допытывался я.

— Контора одной фирмы. И очень недолго это помещение снимал какой-то чужак. Он давал советы неудачникам, как им жить. Потом он сбежал. Нет, нет! Он не был старым, скорей наоборот.

Так ничего не узнав, я ушел домой. Я искал того человека, который совершил чудо, дав мне возможность познать всю сладость и горечь изменившего свое направление времени. Я искал его со смутной надеждой, что он вернет меня туда к скале, в первобытный, юный и мощный мир, где остался юноша охотник.

А жизнь между тем шла, обыденная жизнь семидесятых годов XX века. Я не читал, что писали обо мне газеты. Обычно читала вслух Клара.

Меня называли феноменом. Искусствоведы и журналисты сравнивали меня с Брейгелем-старшим. Одни уверяли, что я был сильнее и оригинальнее Брейгеля, другие склонялись к тому, что Брейгель мне не уступал. В голосе моей жены Клары, когда она читала, чувствовалась насмешка и надо мной, и над искусствоведами, и даже над Брейгелем-старшим.

— Чья же я жена, — спрашивала она меня, — твоя или этого самого Брейгеля-старшего, который проживал, кажется, в семнадцатом веке?

— В шестнадцатом, — поправлял я.

— На век дальше, — дразнила она меня. — Подумаешь, всего-навсего на какое-нибудь паршивое столетие.

Да, они называли это талантом, мою тоску по утраченному, мою неосуществимую надежду снова оказаться возле скалы, по которой бежал нарисованный олень.

Тоска моя все усиливалась, и я во что бы то ни стало решил найти того старика, с помощью которого мне удалось побывать в палеолите.

Верил ли я в его, казалось бы, сверхъестественную способность обращать время вспять? Я не знаю, что ответить на этот вопрос. Ведь и охотник, изображая всю страсть и трепет живо-

го мгновения, бег оленя, магией своей линии соединял невозможное с возможным, мечту с действительностью. Ведь прежде чем погрузить меня в странное сновидение, старик долго толковал мне о загадочности времени и о том дневнике, который ведет в молекулах нашего мозга и наша личная жизнь и история нашего рода. Он долго и скучно толковал мне о теории информации, поминал отца ее — великого Норберта Винера, как вдруг внезапно толкнул меня туда, в прошлое, в далекий мир палеолитических предков. Да, это был толчок. Я чувствую его и сейчас, словно пол уходит из-под моих ног и я повисаю в пустом пространстве. Это были первые страшные мгновения. А потом ощущение вернувшегося пространства, удовлетворенное и радостное чувство, что в мире есть то, на что можно опереться.

Правда, тот мир, в котором я нашел опору для своего тела, был моложе меня по крайней мере на тридцать тысяч лет.

Мир помолодел. Но я еще не знал, что придется помолодеть и мне. Об этом я узнал только тогда, когда пригнулся поднятой с травы кистью к чужому и дивному рисунку.

Я и теперь каждый раз испытываю это чувство, когда притрагиваюсь своей собственной кистью, но уже не к скале, а к холсту. Это прикосновение соединяет меня с древней эпохой, где навсегда остался охотник. Я всякий раз чувствую что-то вроде толчка, но дверь в прошлое наглухо закрыта. Чувство каждый раз обманывает меня. Я здесь, а охотник там, и между нами тридцать тысячелетий.

6

Наконец я встретился с ним, с этим лысым сгорбленным магом, с этим сомнительным математиком, логиком и нейрофизиологом. Он был не один. Рядом с ним шла дама с лицом, закрытым вуалью. Я бы не узнал ее, если бы не остановил нейрофизиолога. Это была Клара, моя жена.

Она рассмеялась громко, капризно, с деланным изумлением. Потом бросив взгляд на нейрофизиолога, проронила скороговоркой:

— Это мой друг. Друг детства.

— Как он мог быть другом твоего детства, — спросил я, — он старше тебя по меньшей мере на двадцать лет?

— Это ничего. Бывает. Мы вместе играли. Он кажется старше своих лет. Не можешь же ты поставить это ему в вину?

Последнюю фразу она уже произнесла уверенно, своим обычным, не допускавшим возражения голосом. И я почти согласился.

— Бывает, — сказал я.

Пока говорила Клара, математик-нейрофизиолог и маг молчал. Ядовитая улыбка шевелилась на его лиловых, тонких, как червяк, старческих губах.

Теперь пришла очередь что-то сказать и ему. И он сказал почти нежно, играя смыслом своих слов:

— Сеансик? Желание повторить? Вам понравился этот небольшой вояжик?

«Вояжик»... Давно забытое, старинное слово, воскрешенное им не случайно.

— Небольшая прогулочка в прошлое? Какой-нибудь пустячок в сотни или две сотни тысяч лет? Не так ли? А может, все же повторить?

Я ничего не сказал. За меня ответила жена:

— Разумеется. Дик был в восторге от этой прогулки. Он отсюда привез бездну впечатлений и замыслов. Ах, как я люблю эти путешествия!

— Разве тебе случалось? — перебил я Клару.

— Не теперь. В детстве. Мы часто играли в эту игру. Он нас посылал то в прошлое, то в будущее. Где мы только не побывали! И в древнем Египте, и в раннем средневековье, и при Людовике XIV, и даже на Марсе вместе с будущей экспедицией. И мы никому об этом не рассказывали, никому! Хранили в тайне, Дик. Ты представляешь, сколько требуется выдержки и мужества, чтобы сохранить в тайне от всех то, что мы видели! А ведь мы были детьми.

Я посмотрел на жену, а потом перевел взгляд на мага — нейробиолога и математика. Нет, они не могли быть сверстниками.

Клара угадала мои мысли.

— Он кажется старше своих лет. Только кажется, — сказала она.

— Он и тогда казался?

— Нет, тогда он не казался, а выглядел таким же, как мы. Но он умел это, а мы не умели.

— Это?

— Да, это. Я не могу найти подходящее слово, чтобы обозначить смысл того, что он делал с нами. Для этого в языке нет слов.

Мистер Мефисто молчал, подчеркивая своим молчанием неуместность воспоминаний, вдруг охвативших его спутницу. Он сделал нетерпеливый жест длинными тонкими пальцами, державшими перчатку, призывая Клару идти туда, куда они шли.

— Извините, — сказал Мефисто. — Как-нибудь в другой раз. Мы спешим.

— Где ты была? — спросил я утром.

— Если бы я хотела тебя обмануть, — ответила она, — я бы сказала: в театре. Но это был совсем особый театр, Дик. Я была в гостях.

— У кого?

— У Петра Первого.

— У какого Петра Первого?

— У того самого. У русского царя. В Санкт-Петербурге. Это было безумие послать меня туда. В меня влюбился один вельможа. Ах, Дик, как интересно побывать в прошлом, настоящем прошлом, а не в том, о котором пишут невежественные романисты и недалекие историки!

Она рассмеялась счастливым смехом, потом трянула головой.

— Ты ревнуешь меня? Но его же нет. Он только был. Был и давно исчез вместе со своим веком, этот санкт-петербургский вельможа.

Я молчал. Ее, видно, раздражало мое молчанье.

— Нет, ответь. Ты ревнуешь?

Я действительно ревновал. Хотя это было дико, я ревновал ее к тому, кого сейчас нет, но кто существовал когда-то, к Санкт-петербургскому вельможе.

В те дни я был не в ладу с логикой, со своим собственным здравым смыслом. Чтобы примирить себя с самим собой, я придумал следующее объяснение. Клара родом из России, внучка эмигрантов. Это всем известно. Ее предки — обрусевшие немцы жили в России еще при Петре. Семейные воспоминания, которыми воспользовался этот сомнительный специалист, этот сумасшедший математик, для того, чтобы внушить ей все, что ему хотелось.

Моей гипотезе нельзя было отказать в логичности. Но мне не стало от этого легче. Ведь от Клары пахло табачным дымом и варварским запахом позапрошлого века.

— Дик, — повторяла она, словно дразня меня, — я должна вернуться туда, к Санкт-петербургскому вельможе. Он ждет меня, Дик. Я обещала.

Ее слова были сильнее доводов моего рассудка. Но я был упрям, я повторял:

— Его нет. Он был. А мы есть. Мы есть с тобой, Клара. А он только воспоминание твоей прапрапрабабушки, каким-то непонятным образом разбуженное в тебе этим сумасшедшим нейрофизиологом. Мы есть, Клара, и мы будем. А его нет, хоть он и был вельможей. Его нет, пойми!

7

Он был, был давно, и его нет. А я есть! А я есть! Я есть. И я буду!

Я повторял эти жалкие слова, но чувство было сильнее меня, и я ревновал свою жену к русскому вельможе, жившему в самом начале позапрошлого века.

Она играючи проходила сквозь время, словно здесь рядом с ванной комнатой была еще одна дверь, дверь в прошлое. Это было где-то почти за дверью и невообразимо далеко, в ушедшем навсегда столетии.

— Я и там и здесь, — говорила она, — и все благодаря великому открытию друга моего детства. Он открыл, Дик, эту самую невозможную из всех возможностей соединить «был» и «есть», прошлое с настоящим, перебросив между ними мост. Это непрочный мостик, Дик, и он висит над пропастью. И каждый раз я вся дрожу, когда чувствую под ногами его зыбкую непрочность. Но я не могу удержаться, это сильнее меня.

— Любовь к этому вельможе? — перебил я.

— Нет. Не это. А желание быть и тут и там. Я в прошлом и в настоящем. Я привыкла, Дик, к этому. Мне тесно в одном времени. Мне нужен простор. Он называет это властью над временем.

— Кто? Санкт-петербургский вельможа?

— Да нет. Друг моего детства, Мефистофель.

— Мистер Мефисто?

— Никакой не Мефисто, а самый настоящий Мефистофель. Он хочет дать людям власть над временем. И дать ее бесплатно, взамен не отбирая ничего. Добрый Мефистофель. Не правда ли?

— Мне кажется, что он обманщик, как все маги и фокусники: ведь он же не на самом деле возвращает прошлое, а, вероятно, действует на родовую память, заставляет человека читать то, что записано в молекулах жизнью поколений.

8

Я включил телевизор для того, чтобы рассеяться, хотя заранее знал, что историческая мелодрама, написанная каким-то Лео Уолди, не вызовет во мне ничего, кроме душного приступа острой скуки.

Экран окутало дымкой. Прозвучала тихая мелодия, словно кто-то настраивал струны. А затем на экране я увидел свою Клару с тем самым санкт-петербургским вельможей, о котором она мне рассказывала. Да, передо мной на экране была моя жена Клара, но рядом с ней и вокруг нее был другой, давно минувший век.

Я подумал почти вслух: все это проще простого. Клара в тайне от меня стала артисткой и играет в этой исторической мелодраме.

Это было сказано мной, чтобы остаться в добром согласии со здравым смыслом. Через несколько минут ужас объял меня. Экран телевизора оказался окном в прошлое. Кто-то таинственный и загадочный дал заглянуть мне сквозь время и увидеть мою жену, мило хозяйничавшую в деревянном дворце санкт-петербургского вельможи на набережной Невы.

Самое удивительное, что и она видела меня оттуда, словно перед ней тоже был телевизионный экран, маленькое и узкое оконце, но сквозь которое был виден будущий мир.

Я чувствовал себя как во сне, и мне хотелось скорее проснуться.

Я слышал их разговор.

— Кто это? — спросил вельможа Клару, показывая на меня пальцем.

— Мой муж Дик Вайс. Знаменитый художник.

— Он здесь где-то близко?

— Нет, он в будущем веке.

До меня донесся веселый Кларин смех.

Я встал с кресла и выключил телевизор. Экран потемнел, окно в прошлое заволочлось туманом. Спустя минут десять, когда я снова включил ту же программу, уже пела певица веселую и пошловатую песенку, песенку обыденную, как сама жизнь.

Потом два длинноногих боксера — негр и англичанин, покачиваясь, убеждали друг друга ударами кулака, всякий раз наталкиваясь на реальность, тупую как стена, и начиная снова. Передо мной была обычная телевизионная программа, помогавшая людям уничтожить самое ценное, чем они располагают, — время.

Я смотрел на экран, чтобы сократить расстояние, отделявшее меня от моей жены Клары.

9

Клара, стоя ко мне спиной, собирала свои вещи и складывала в чемодан.

Я молчал, ждал, когда она сама объяснит свои действия. И она объяснила.

— Дик, — сказала она, — мне надоело переходить из века в век. В конце концов это не две комнаты, которые находятся рядом. Каждый раз, когда я иду туда или возвращаюсь, я чувствую, что земля под моими ногами превращается в ничто. Мне нужно на что-то опереться, Дик. И в том веке и с тем человеком мне легче, Дик, чем с тобой и с твоими вечно куда-то спешащими современниками.

Она помолчала и посмотрела на меня. Она угадала мои мысли.

— Едва ли мне удастся вернуться, Дик, вернуться к тебе. Ты можешь за меня быть спокоен. Меня тянет жизнь, в тысячу раз более реальная, чем та, которую я вела, живя с тобой. У вас у всех превратное представление о прошлом. Вы буквы и слишком поверхностно понимаете это слово. Прошлое — это то, что прошло. Не правда ли? Ах, как вы ошибаетесь! Когда я смотрела на тебя оттуда, у меня было такое чувство, что ты уже был, был и кончился.

— Тогда ведь не было телевизоров, — пробормотал я.

— Это ты меня видел на экране телевизора. А я тебя видела в окно. В деревянном дворце Санкт-Петербургского вельможи много окон. Но все окна обыкновенные, кроме одного. Из этого окна я буду смотреть на тебя, когда тоска напомнит мне о том, что ты был.

— Я не только был, я есть! — крикнул я.

— Ты был. Тебя нет. Ты только кажешься. Все вы только кажетесь с вашими телевизорами, универмагами и коллекциями абстрактной живописи. Вы абстракции, Дик. А мой вельможа, помощник великого Петра, мой строитель Санкт-Петербурга, не

абстракция. Поверь, Дик. Вот потому я и ухожу к нему. До свидания, Вайс. Вернее, прощай. А если захочешь увидеть меня, включай телевизор ровно в тот час, который подскажет тебе не программа, а твое собственное чувство. Если ты только очень захочешь увидеть меня. Нет ничего сильнее простого, искреннего человеческого чувства.

Через полчаса она исчезла. Ведь я уже говорил, что она играючи проходила сквозь время.

Она вернулась через месяц. Раньше она так долго не задерживалась в позапрошлом веке. Ведь у нее был такой непоседливый характер, и ей вечно хотелось быть одновременно и там и тут. Но в этот раз она вернулась молчаливая и чем-то разочарованная. Видно, ей наскучил даже восемнадцатый век.

— Мальчик, — сказала она мне, — мой милый мальчик.

Нежность и презрение играли на ее усталом и осунувшемся лице. Но ведь это была она, моя жена Клара — клубок живых и неразрешимых противоречий. Нет, ее не подменили там, в Санкт-Петербурге, в ней осталось все прежним, прежним до последней ниточки на ее платье.

— Как ты проводил без меня время?

— Работал, — ответил я уныло. — Писал картину.

— Я видела это из моего необыкновенного окна. Но потом вельможа приказал забить окно досками. Он почти стал верить в твое существование. И в нем проснулась ревность. Он избил меня и пообещал расчитаться и с тобой. И хотя я сейчас тут с тобой, Дик, я немножко побаиваюсь за тебя.

— Но он в прошлом. Ему до меня не дотянуться.

— Я ни в чем не уверена, Дик. Пережитки прошлого так сильны, так реальны. Ревность, коварство, грубость. Я боюсь, чтобы он не сделал тебе вреда.

— Но его нет, Клара. Его давно уже нет. Давно!

— Я не уверена в этом, Дик. Я ни в чем не уверена, милый мой мальчик. И поэтому хочу посоветоваться с другом своего детства. Ты не знаешь, как его здоровье?

— Он чем-нибудь болел в твое отсутствие?

— С ним случился небольшой инсульт. Не сразу к нему вернулась речь. Он немножко поволновался. Для волнения были причины. Разве тебе об этом не известно?

— В первый раз слышу.

— Он очень переживал. И нервничал. Объяснить причину очень трудно. Дело в том, что он вовсе не ссужал людям время, как это делал настоящий Мефистофель. Он создавал только иллюзию власти над временем. Он воздействовал не на объективные законы природы, как это делал посланец злых сил в гётевской поэме, а только на молекулы нервных клеток, открытых им резервных клеток родовой памяти. Он действительно очень крупный нейрофизиолог, но его тешила мысль, безумная и старомодная мысль стать дьяволом, добрым дьяволом. Он хотел абсолютного, понимаешь? Абсолютного, как хотел этого Фауст. А об абсолютном можно было мечтать только в восемнадцатом веке. И вот, обманывая самого себя и людей, он дарил вам иллюзию. Его чудо — это что-то вроде новой технически более усовершенствованной телевизионной программы. И как выяснилось, он на службе у телевизионной компании. Вся история со

мой — это эксперимент, проверка усовершенствованного, модернизированного телевидения, синтеза телеобраза с воздействием на родовую память. Нашли способ взглянуть на прошлое не только через телеэкран, но через фокус разбуженной родовой памяти. Технический принцип довольно сложен. И я не смогу тебе его объяснить. Каждый зритель сможет как бы перешагнуть через время. Но повторяю — это иллюзия.

— Но ведь я же побывал в палеолите на самом деле. И причем в палеолите, а не на телестудии.

— Ты тоже был участником новой готовящейся программы. Но тебя покажут позже.

— А мой талант, — спросил я, — это тоже инсценировка?

— Твой талант это рудимент, нечто вроде аппендикса. И он к интересам телевизионной компании не имеет никакого отношения. Твой талант — это тот червяк, на который ты клюнул. Ты был объектом эксперимента. Понимаешь?

— Почти понимаю. Но почему заболел Мефистофель? Ведь все прошло благополучно.

— Благополучно для компании. И в сущности, для нас с тобой. Но не для него. Он забыл возобновить контракт и просрочил какие-то сроки. И все из-за меня. Он поверил в чудо, понимаешь, Дик? Поверил в то, что я действительно перехожу из времени во время.

— Но ведь я тоже почти поверил.

— Поверили многие, все, кто смотрел новую экспериментальную программу. Но он-то не должен был верить. Он ее автор, Апломб, излишнее тщеславие. Амбиция. Он действительно вообразил себя Мефистофелем. И за это поплатился.

— Зачем ты мне это говоришь? Теперь я не смогу писать свои картины с той силой, с какой писал недавно.

— О твоих картинах забудут, когда увидят тебя перед скалой вместе с первобытным охотником. Что любая картина по сравнению с новой программой, создающей полную иллюзию власти над временем!

10

Я встретил его, мистера Мефисто. Он шел, опираясь на палочку, типичной походкой бывшего паралитика.

Он остановился, широким щедрым жестом стянул перчатку, чтобы пожать мне руку. На лице его появилась улыбочка — старая моя знакомая.

Как сквозь сон, я слышал его нежный, игривый голос:

— Сеансик? Желание повторить? Вам хочется еще раз совершить небольшой вояжик?

...Я почувствовал легкий толчок в спину, а под ногами ничто, пустоту, бездонную пустоту сна наяву.

